

Вырезка из газеты
ТИХООКЕАНСКАЯ
ЗВЕЗДА

21 НОЯ 1982

г. Хабаровск

2204
ИЗ БЛОКНОТА ЖУРНАЛИСТА

В СРОСТКАХ, У ШУКШИНА

«Каждая работа Шукшина вышла отсюда, из Сrostков, и вернется сюда же, в Сrostки, на суровый и нелюбезный суд ее жителей, соседей Василия Макаровича.

И гордишься, и удивляешься этим Сrostкам без конца, и заводишь им: вот что они оказались способными дать, вот что они способны принять — какой дух, какую нравственность, какую глубину жизни...»

С. ЗАЛЫГИН.

Сердце матери — вещун. В телеграмме, поданной почтальоном, почувалось недоброе: «Неужели что с Васей?»

Сборы и перелет с Алтая в Москву были недолгими.

Похороны на Новодевичьем. Тысячи провожающих. Гроздь красной калины. Цветы, цветы...

Чувство и мысль едины: как рано, как непростительно рано...

Каким же он был? Что внес в нашу жизнь? Что оставил после себя? О В. М. Шукшине пишут. Писали. По-разному. Кто восторгался. Кто отвергал. Кто делал и то, и другое. Равнодушных, во всяком случае, не было.

Довелось услышать:

— Знаете, я до корней волос — горожанка. И родилась, и выросла в городе. Но вот

читаю Шукшина, и за сердце берет: тянет почему-то в деревню. Не просто на день-другой. А жить. Постоянно...

Видно, что-то такое задевал Шукшин в душах, что звало (и зовет) к действию. К работе мысли. К гражданской активности.

Летом этого года мне довелось побывать в Сrostках. На шукшинских чтениях (проводятся они ежегодно, нынешние были седьмыми).

Что из себя представляют Сrostки? Это старинное село в 30 километрах от Бийска. Стоит оно между Чуйским трактом и светлоструйной Катунью, облегая почти лысую гору Пикет. Она высится у села, если забраться на ее макушку, то увидишь во все стороны света дали — синие, неохватные. Извиваясь, блес-

тит река. Белеют хребты гор. Зеленеют степные просторы, поля местного совхоза, березовые, осиновые рощи.

Дома — рубленые. Пятистенные. Есть новая школа, носящая имя В. М. Шукшина. Старая, где он в 50-е годы учительствовал, — рядышком. Взятая под охрану государством.

В доме, в котором последние годы жила мать — Мария Сергеевна, организован музей В. М. Шукшина. За годы работы (с июня 1977 г.) его посетило более ста тысяч человек. Я заглянул в книгу отзывов: адреса записей — вся страна. Есть и зарубежные. Идет и идет народ к творцу «Калины красной». Уважение к Шукшину со стороны земляков особое. Есть в их чувстве и гордость, и достоинство, и юмор. Его знают. Ценят. Вспоминают как о дорогом, близком человеке.

— Уж он-то никогда не забывался. Хотя артист был известный. Наезжал, бывало, из Москвы — к матери. Идет по селу — с каждым поздорова-

ется (шляпу приподымет, головой уважительно кивнет). Спросит, как здоровье, дела. Я так понимаю: он любил нас. С людьми беседы вел... Нет, добрый был человек, добрый...

Это говорит А. Тырышкина. Ровесница Василия Макаровича. Соседка по улице, в прошлом — доярка.

Шел дождь, но он не мешал празднику памяти. С портрета, установленного на подмостках деревянной сцены, в лица земляков, пришедших, приезжих с разных концов людей всматривался строгий, с мудрой сердечной теплотой в глазах человек...

С ранних детских лет до последнего дня он работал.

Тетка Шукшина О. Н. Неверова рассказала об одном случае. Было это в годы войны. Задумал он — подросток — строить стайку для коровы. Поехал с другом на лодке за «чащей» (ивняком) через Катунь. А тут — гроза. Мать, Мария Сергеевна, всполошилась: где сын? Кинулись на берег. Река взбурлила, ветер

хлещет, а ребят нет. Наконец, появились, все обошлось. Стал он на другой день плести стайку, а не получается: снаровки-то нет. Да и как начать — толком не знает. Вышла тетка, показала, как надо. Он присмотрелся и говорит: «Давай, я сам». И пошло дело.

С флотской службы Шукшин вернулся, не дослужив срок (из-за болезни). Первой из родных увидела его Ольга Никитична.

— Гляжу — кто это на крыльце у Шукшиных. Боже мой, да это Вася. В ферме морячком. Я к нему: как, что... А он с порога: «Где мама?». Она работала в парикмахерской. Я мигом к ней. Узнав, что сын дома, Мария Сергеевна бросилась со всех ног... Обогнала меня. Василий выскочил на улицу, поймал ее в объятия и закружил, закружил... А письма какие ей писал. Ох, и завидовала я Марии Сергеевне. Настоящий сын вырос!

Будя сокровенное в душах людей, В. М. Шукшин остро ставил вопросы общественной, духовной, нравственной жизни перед собой и, конечно, перед нами, его современниками.

Он знал Россию не понаслышке: изъездил почти всю, и вдоль, и поперек. Но лучше, чем Алтай, чем село Сrostки не было для него места на

земле. Здесь он ощущал себя настоящим хозяином. Здесь лучше писалось. Здесь окружал его воздух детства. Земляки, о которых он многое знал. Любил их. Хорошо ему было на родине. Он, впрочем, сам не единожды в этом признавался, нацеливаясь в последние годы вообще перебраться из столицы в родные края. Отсюда им глубже, яснее осознавались пути народной жизни, ее коренное русло, и своя человеческая, художническая задача.

Он торопился. Он, может, как никто другой, понимал цену отпущенного ему судьбой времени...

...Поезд из Бийска до Новосибирска идет ночь. Я уезжал, когда июльское золотое предвечерье угасало в степи. Мимо окон проносились сосновые боры, тихие речки, покосы со свежесложенными стогами, белые поля гречихи, желтые — пшеницы. Последние были уже окошены по краям. Хлеб «доходил». Подумалось: через день-другой — страда. Отсюда — в закрома Родины — вот-вот хлынет алтайский хлеб. Плод трудов многих людей, дорогих сердцу Василия Шукшина.

Б. ФЕДОСЕНКО.